

Лейкин Николай Александрович

На заработках

**Роман из жизни чернорабочих
женщин**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
На заработках: Роман из жизни чернорабочих женщин / Лейкин Николай
Александрович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 393 с.

ISBN 978-5-519-92938-7

ISBN 978-5-519-92938-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Женщины, увязая въ топкой землѣ, стали пробираться къ парникамъ. Собака надсажалась еще болѣе. Изъ избы вышелъ рослый мужикъ въ красной кумачной рубахѣ, въ жилеткѣ, сапогахъ съ бутылками, безъ шапки, съ всклокоченной головой и почесывался. Очевидно, онъ до сего времени спалъ.

— Вамъ чего, тетки? спросилъ онъ, лѣниво позѣвывая.

— Да вотъ тутъ землячекъ нашихъ нетути-ли?

— А вы какія сами-то будете?

— Новгородскія, боровичскія.

— Прогнѣвался на насъ Господь и ни одной барочки нынче на Мстѣ не разбило? Такъ васъ дразнить, что-ли? Знаемъ.

— И, милостивецъ, мы отъ Мсты-то дальнія. Мы сорокъ верстъ отъ Мсты.

— Все-таки, поди, кулье-то да мѣшки съ мукой приходили на Мсту ловить. Нѣтъ тутъ у меня вашихъ боровичискихъ. У меня покуда какія есть бабы и дѣвки—всѣ новолодожскія. Вамъ чего собственно нужно-то?

— Да ужъ извѣстно заработки ищемъ, на заработки пріѣхали.

— Въ такомъ разѣ нужно къ хозяину, а не къ бабамъ. Я хозяинъ.

Женщины закланялись.

— Не возьмешь-ли насъ, кормилецъ, поработать?

Мужикъ почесалъ лѣвой рукой подъ правой мышкой и помолчалъ.

— Голодухи вездѣ по деревнямъ-то. Вашей сестры нонѣ будетъ хоть прудъ пруди, сказалъ онъ.—

Пока еще всѣ не пришли, потому для огородовъ еще рановато, но приходится станутъ стадами. Дешева нонѣ будетъ баба, вотъ потому я заранѣе и не связываюсь. Какъ у васъ съ кормами-то?

— Страсти Божія... отвѣчала баба постарше.— Къ Рождеству ужъ все съѣли.

— Ну, вотъ видишь. И такъ повсемѣстно. Я такъ разсуждаю, что къ Николину дню баба такая появится, что просто изъ-за однихъ харчей въ работу пойдетъ.

— И, что ты, милостивецъ!

— Вѣрное слово. Третьяго года по веснѣ урожай лучше былъ, а бабѣ цѣна была всего гривенникъ и уже много пятялтынный въ день. Прошлой весной баба вертѣлась на двугривенномъ и четвертакѣ, а нонѣ годъ голодный. Ни сѣна нигдѣ, ни овса. Скотину всю продали, старухи въ кусочки пошли. Вся вотъ здѣшняя округа подъ Питеромъ въ безкормицѣ. Да и не подъ однимъ Питеромъ.

Бабы переминались съ ноги на ногу и переглядывались другъ съ дружкой.

— Вѣрно, правильно, подтвердилъ свои слова хозяинъ и еще, въ подтвержденіе своихъ словъ, спросилъ:—Ну, что, отъ радости вы сюда пришли въ Питеръ, что-ли?

— Да ужъ какая радость! Всѣ перезаложились и перепродались кабатчику, чтобъ на дорогу что-нибудь выручить. Полдороги ѣхали, а полдороги пѣшкомъ. Съ Любани пѣшкомъ идемъ, отвѣчали женщины.

— Ну, вотъ видите.

— Нѣтъ-ли, милостивецъ, чего поработать? кла-

нялись женщины.—Мы-бы вотъ съ Благовѣщеньева дня...

— Съ Благовѣщенья до Покрова? Это что-бы на лѣто? перебилъ ихъ хозяинъ.—Нѣтъ, тетки, нынче такой ряды ни у кого не будетъ. Всякій себя бережетъ и опасается. Я говорю, что около вешняго Николы вашей сестры сюда столько понаѣдетъ, что изъ кормовъ брать будемъ. Съ какой-же стати передавать лишнее? А вотъ такъ, чтобъ ни вамъ не обидно, ни мнѣ не обидно, чтобы во всякое время и вы бы могли уйти, коли не понравится, да и я могъ-бы васъ согнать, коли мнѣ не выгодно. Васъ сколько?

— Да насъ четыре души.

— Ну, вотъ четыре души и возьму, коли дорожитья не будете. Только поденно. Баба нонѣ будетъ безъ цѣны, это вѣрно, потому годъ голодный. Погодьте, я только шапку надѣну, да кафтанъ накинута, а то на вѣтру-то такъ стоять холодно, сказалъ хозяинъ, ушелъ въ избу и черезъ нѣсколько времени вновь появился въ картузѣ и въ синемъ кафтанѣ въ накидку.—Ну-съ, работа наша огородная—сами знаете...

— Не живали мы еще, землякъ, въ Питерѣ-то,—проговорила баба постарше.

— Господинъ хозяинъ я тебѣ буду, а не землякъ! поправилъ ее хозяинъ.—Какой я тебѣ землякъ, коли вы боровичскія, а я ростовскій? Ну, такъ вотъ: работа наша съ зари до зари... Свѣтлыя ночи будутъ—такъ въ восемь часовъ вечера кончатъ будемъ, а требуется поливка, такъ ужъ и до девяти вечера... И изъ-за этого чтобъ ужъ предъ хозяиномъ не бры-

каться. Воскресенье у васъ день на себя, потому праздникъ, но ежели въ засуху поливка, то ужъ безъ поливки нельзя. А за поливку въ праздникъ за полдня считаемъ.

— Да ужъ это само собой, ступня не золотая,— откликнулась одна изъ женщинъ.

— Всѣ вы вначалѣ ступню-то не цѣните, а потомъ сейчасъ и носъ задирать, я васъ знаю.

— Харчи-то, хозяинъ, у васъ какъ?

— Харчъ у насъ хорошій. Въ постный день вариво со сняткомъ, хлѣба въ волю; по праздникамъ— каша, постнаго масла лей сколько хочешь; въ скоромные дни буженину варимъ въ щихъ и къ кашѣ сало.

— А чай? Чаемъ поите?

— Вишь какая чайница! Чай у насъ два раза въ день. Утромъ поимъ и въ пять часовъ поимъ. Чаемъ хоть облейся. Сыта будешь.

— Ну, а ряда-то, ряда-то какая, господинъ хозяинъ?—допытывались женщины.

— Обижать васъ не хочу, потому цѣнъ на бабу покуда еще нѣтъ, будемъ такъ говорить, не понаѣхала еще сюда всѣя-то баба... Пятнадцать копѣекъ въ день—вотъ какая цѣна, ну, а упадетъ цѣна—такъ ужъ не прогнѣвайтесь...

Женщины задумались.

— Пятнадцать копѣекъ... Ой, дешево! Да какъ-же это пятнадцать-то копѣекъ? Вѣдь это, стало быть, всего... четыре съ полтиной въ мѣсяцъ!?—заговорили онѣ.

— Меньше. Потому по праздникамъ весной работы нѣтъ, далъ отвѣтъ хозяинъ.

— Господи Иисусе! Да вѣдь это за лѣто и на паспортъ и на дорогу не скопишь!

— Зато сама сыта будешь. На нашихъ харчахъ тѣло живо нагуляешь. У насъ на счетъ харчей хорошо. Ахъ, да... Первые ваши деньги пойдутъ не на руки вамъ, а на прописку паспортовъ и на больничныя. Здѣсь вѣдь Питеръ, здѣсь прописаться надо и рубль больничныхъ уплатить.

Женщины переглянулись.

— Сестрицы, такъ какъ-же это такъ? Неужто за пяталтынный?

— А ужъ какъ знаете. Вонъ спросите у тѣхъ бабъ,—отвѣчалъ хозяинъ, кивая на парники.—Онѣ также по этой цѣнѣ работаютъ.

— Ты-бы хоть по двугривенничку, господинъ хозяинъ?..

— Будетъ цѣна на бабу двугривенный—я и за двугривеннымъ не постою, но не можетъ этого нонче быть, потому голодуха.

— А къ Троицѣ платковъ дарить не будешь?—спросила одна изъ женщинъ.—У насъ бабы ходили въ Питеръ, такъ имъ по городамъ къ Троицыну дню по платку...

— То за лѣтнюю ряду, то съ Благовѣщенья по Покровъ и по книжкѣ ежели, а я васъ поденно ряжу, потому лѣтней ряды нонѣ не будетъ. Какіе нонѣ платки!

Женщины колебались.

— Ну, подумайте, пошущукайтесь промежъ себя, а я въ избу чай пить пойду. Потомъ скажете, на чемъ рѣшили,—сказалъ хозяинъ и направился въ избу.

Бабы остались на огородѣ и стали шептаться.

II.



А ВТОРОМЪ огородѣ, дѣвоньки, по пятнадцати копѣекъ въ день... По пятнадцати копѣекъ... Ужъ это что-то больно дешево... начала, покачивая головой, женщина постарше, у которой совсѣмъ отсутствовали брови.

— Пронюхали, что повсюду голодуха — вотъ и стачались, вотъ и прижимають, — отвѣчала вторая пожилая женщина, но съ густыми бровями.

— Какъ-же Акулина-то лѣтось по восьми съ полтиной въ мѣсяцъ на огородѣ жила?!—дивилась молодая женщина съ необычайно развитой грудью.

— Такъ вѣдь то было лѣтось, когда кормы были, а теперича цѣны другія.

— Бѣда! — покрутила опять головой безбровая женщина.— Неужто-же за пятнадцать копѣекъ оставаться? Вѣдь это что-же... Вѣдь это помирать... Да онъ вонъ еще что говорить... Хозяинъ-то то есть... Онъ говорить, что первыя деньги пойдуть на прописку паспорта да на больницу.

— А на прописку да на больницу-то много-ль надоть?—спросила совсѣмъ молоденькая женщина, курносая и съ выбившеюся изъ-подъ платка бѣлокурою прядью волосъ.— Сколько денегъ-то?

— А намъ почемъ-же знать! Мы также, какъ и ты, въ первый разъ въ Питерѣ, — отвѣчала женщина съ густыми бровями. — Надо будетъ вонъ

тѣхъ бабъ поспрошать, что около парниковъ копошатся.

Нерѣшительнымъ шагомъ женщины прошли къ парникамъ, въ которыхъ, присѣвъ на корточкахъ, выпалывали сорную траву другія женщины.

— Порядились, что - ли? встрѣтила вопросомъ одна изъ женщинъ у парниковъ новопришедшихъ женщинъ.

— Да какъ рядиться, умница, коли по пятнадцати копѣекъ въ день даетъ,—сказала безбровая женщина.

— Цѣны такія. Мы ужъ тоже совались, да нигдѣ не берутъ. Работы на огородахъ вѣдь еще не начались. Только тамъ и работаютъ, гдѣ парники, а вѣдь парники-то не на каждомъ огородѣ.

— Вы, умница, новолодожскія?

— Новолодожскія.

— Бывалыя въ Питерѣ-то?

— Бывалыя. Кажинный годъ по веснѣ въ Питеръ ходимъ.

— Такъ неужто по пятнадцати копѣекъ подрядившись?

— По пятнадцати, а только съ хозяйской баней. По субботамъ у насъ отъ хозяина восемь копѣекъ на баню... Такъ и вы уговаривайтесь. Здѣсь вѣдь не то что въ деревнѣ, даромъ никуда не пустятъ попариться, а вездѣ надо платить деньги. Пять копѣекъ баня-то стоитъ, ну, да мыло, вѣнникъ.

— Неужто и вѣнникъ купить нужно?!—удивленно воскликнула молоденькая женщина.

— А ты думала какъ! Вѣникъ копѣйка, а то и двѣ. Здѣсь за все плата. Питеръ городъ дорогой.

— А вотъ у насъ въ деревнѣ пошелъ въ лѣсъ, наломалъ...

— А здѣсь за поломку-то по шеѣ наkostenяютъ. Да и некуда идти ломать, потому лѣсовъ по близости нѣтъ.

— Ну, у сосѣдей попросить.

— Молчи, Аришка! Ну, что зря брешешь! оборвала курносую женщину безбровая и спросила женщину копошившихся у парниковъ:—Вы замужнія будете или дѣвушки?

— Я-то дѣвушка буду, вонъ и та дѣвушка, отвѣчала черноглазая новолдожская женщина, указывая на рябую женщину.—А вонъ тѣ три замужнія.

— Хороша ты дѣвушка, коли ребенка въ деревнѣ оставила, улыбнулась худая скуластая женщина въ полосатомъ красномъ платкѣ на головѣ и на плечахъ, концы котораго были завязаны сзади за спиной.

— Это, Мавра Алексѣвна, въ составъ не входитъ, огрызнулась черноглазая женщина.—Зачѣмъ зубы скалить! По паспорту я дѣвушка—вотъ и весь сказъ.

— А вотъ, милая, сколько съ васъ хозяинъ за прописку паспортовъ-то вычитаетъ? спросила безбровая женщина.

— Рубль тридцать. Это ужъ у него положеніе. Рубль на больничное и тридцать копѣекъ за прописку.

— Фу, тяготы какія! Вѣдь это сколько-же день за дарма жить?

— Да, почитай что девять день отъелозить придется. Мы ужъ сочли.

— Арина! Слышишь! А ты хотѣла первые три рубля матери сейчасъ-же въ деревню послать на выкупъ полущубка. Долгонько трехъ-то рублей не увидишь,—сказала безбровая женщина курносой женщи-
нѣ.

Курносая въ отвѣтъ только широко открыла глаза и ротъ и тупо посмотрѣла на безбровую.

— Бѣда, какъ трудно! послышалось у новопришедшихъ женщинъ.

— Да ужъ чего труднѣе! вздохнули женщины, копающіяся въ парникахъ.—Вы всѣ изъ одной деревни будете? задали онѣ вопросъ новопришедшимъ женщинамъ.

— Трое изъ одной деревни, а она вонъ одиннадцать верстъ отъ насъ, отвѣчала безбровая женщина, кивая на курносую.

— И всѣ въ первый разъ въ Питерѣ?

— Въ томъ-то и дѣло, что въ первый. Порядковъ здѣшнихъ не знаемъ, наговорили намъ, что въ Питерѣ хорошо...

— Что деньги здѣсь по улицамъ валяются? подхватила черноглазая женщина, отбрасывая отъ себя горсть сорной травы, вырванной изъ парника.—Нѣтъ, братъ, милая, въ Питерѣ тоже ой-ой, какъ трудно! Вы-то замужнія будете?

— Я замужняя. Нынче всей семьей изъ деревни отъ голодухи ушли. А вонъ это три дѣвушки. Молоденькимъ-то замужъ-бы выходить, а вонъ послали родители на заработку.

— За кого выходить-то, коли всё парни на заработках! откликнулась одна из товаровъ безбровой женщины и спросила землячекъ:—Такъ какъ-же рѣшимъ, дѣвушки: оставаться здѣсь на огородѣ или искать лучше чего нѣтъ-ли?

— А гдѣ ты лучшаго-то по теперешнему времени найдешь? спросила одна изъ женщинъ отъ парниковъ.—Поди-ка, сунься.

— Да наша-же землячка въ прошломъ году здѣсь въ Питерѣ на кирпичномъ заводѣ работала и по восьми гривенъ въ день доставала.

— А кирпичные-то заводы нешто теперь работаютъ? Кирпичные-то заводы дай Богъ къ Троицѣ... А до Троицы-то десять разъ съ голоду помереть успѣшь. И мы кирпичные заводы чудесно знаемъ, да по веснѣ на нихъ работы нѣтъ.

— Пятнадцать-то копѣекъ ужъ очень дешево. Мы зимой у насъ въ деревнѣ дрова складывали въ лѣсу въ полѣнницы—и то по гривеннику въ день на хозяйскихъ харчахъ. Одно только развѣ, что чаемъ не поили. Нѣтъ, для Питера ужъ это очень дешево.

Говорила это курносая женщина. На нее тотчасъ-же набросилась безбровая.

— А у тебя много-ли денегъ-то на ночлегъ да на пропитаніе осталось, чтобы фыркать на пятнадцать копѣекъ?

— Да двѣнадцать копѣекъ еще есть.

— Двѣнадцать копѣекъ! Нешто въ Питерѣ можно на двѣнадцать копѣекъ! заговорила у парника черноглазая женщина.—Что ты въ Питерѣ на двѣнадцать копѣекъ подѣлаешь?!